

УДК 314.17.04(571.150)

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1987

Шифр специальности ВАК: 5.4.4

Социально-экономические индикаторы демографического неблагополучия Алтайского края

М.И. Черепанова[✉], С.А. Мешалкин, И.П. Саютина, Я.А. Чистопашин

Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

[✉]cher_67@mail.ru

Аннотация. Актуальность проблемы демографического неблагополучия обусловлена необходимостью минимизации и преодоления ускоренной депопуляции российского населения, которая является главной угрозой национальной безопасности страны. Значительная гетерогенность российских территорий требует дифференцированных региональных решений демографических проблем. Алтайский край является агропромышленным приграничным регионом. Совокупность подобных территорий составляет около 70 % территорий РФ. Объект исследования – демографическое неблагополучие Алтайского края. Предмет – экономические и социальные детерминанты ухудшения демографического самочувствия населения края, провоцирующие стремительную депопуляцию региона в 2018–2024 гг. Исследование направлено на создание регрессионной модели факторов и условий жизнедеятельности населения, определяющих высокий уровень естественной убыли населения. **Цель:** анализ социально-экономических индикаторов высокого уровня смертности, снижения уровня рождаемости, значительной естественной убыли населения. **Методы:** теоретический анализ, анализ актуальной региональной статистики экономических показателей, социологический опрос, регрессионный анализ полученных данных. **Результаты:** выявлены системные детерминанты депопуляции в регионе, проанализированы индикаторы кризиса воспроизводства населения. **Выводы:** базовыми причинами снижения численности населения Алтайского края являются низкий уровень жизни, отсутствие перспектив для трудоустройства, стимулирующих рост миграции в центральные регионы страны. Ускоренное старение населения региона, увеличивающийся дисбаланс мужского и женского населения, тенденция ежегодного снижения рождаемости, роста смертности, в том числе людей зрелого трудоспособного возраста, способствуют росту неблагополучия российского региона. Статистически значимыми факторами, провоцирующими депопуляцию в регионе, являются: сельский тип поселения ($p \leq 0,001$); чрезмерная дифференциация доходов ($p \leq 0,001$); толерантное отношение к девиациям, в том числе саморазрушительным практикам ($p \leq 0,006$). Низкая социальная удовлетворенность населения процессами жизнедеятельности требует пересмотра направлений социально-экономической политики в регионе, системных действий для повышения качества жизни в крае.

Ключевые слова: демография, депопуляция, демографическое самочувствие населения, демографическое неблагополучие, Алтайский край, приграничные территории, демографическая политика

Для цитирования: Социально-экономические индикаторы демографического неблагополучия Алтайского края / М.И. Черепанова, С.А. Мешалкин, И.П. Саютина, Я.А. Чистопашин // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53. – № 2. – С. 177–194. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1987

UDC 314.17.04(571.150)

DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1987

Socio-economic indicators of demographic disadvantage in the Altai Krai

M.I. Cherepanova[✉], S.A. Meshalkin, I.P. Sautina, Ya.A. Chistopashin

Altai state university, Barnaul, Russian Federation

[✉]cher_67@mail.ru

Abstract. The urgency of the problem of demographic disadvantage is due to the need to minimize and overcome the accelerated depopulation of the Russian population, which is the main threat to the national security of the country. The significant heterogeneity of Russian territories requires differentiated regional solutions to demographic problems. Altai Krai is an agro-industrial border region, the aggregate of such territories accounts for about seventy percent of the territories of the Russian Federation. **Object.** Demographic disadvantage of the Altai Krai. **Subject.** Economic and social determinants of the deterioration of the demographic well-being of the population of the region, provoking the rapid depopulation of the region in 2018–2024. **Aim.** Analysis of socio-economic indicators of high mortality rates, declining birth rates, and significant natural population decline. **Methods.** Theoretical analysis, analysis of current regional statistics of economic indicators, sociological survey, regression analysis of the data obtained. **Results.** Systemic determinants of depopulation in the region were identified, and indicators of the population reproduction crisis were analyzed. It is concluded that the basic reasons for the decline in the population of the Altai Krai are the low standard of living, lack of employment prospects, stimulating the growth of migration to the central regions of the country. The accelerated aging of the population in the region, the increasing imbalance between the male and female populations, the trend of an annual decrease in the birth rate, an increase in mortality, including people of mature working age, contributes to the growth of disadvantage of the Russian region. Statistically significant factors provoking depopulation in the region were: rural type of settlement ($p \leq 0.001$); excessive income differentiation ($p \leq 0.001$); tolerant attitude towards deviations, including self-destructive practices ($p \leq 0.006$). Low social satisfaction with the processes of life in the region requires a revision of the directions of socio-economic policy in the region, systematic efforts to improve the quality of life in the region.

Keywords: demography, depopulation, demographic well-being of the population, demographic disadvantage, Altai Krai, border territories, demographic policy

For citation: Cherepanova M.I., Meshalkin S.A., Sautina I.P., Chistopashin Ya.A. Socio-economic indicators of demographic disadvantage in the Altai territory. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2025, vol. 53, no. 2, pp. 177–194. DOI: 10.18799/26584956/2025/2/1987

Введение

Ускоренная депопуляция российского населения на сегодняшний момент остается самой актуальной проблемой национальной безопасности страны. Данное явление не просто значимо, а акцентирует вопрос существования страны в ближайшей перспективе [1–4].

По данным исследований ведущего российского демографа, главного научного сотрудника ФНИСЦ РАН Олега Леонидовича Рыбаковского, Российская Федерация, включая все ее регионы с 1992 по 2022 г. из-за преобладания смертности над рождаемостью потеряла около 16,3 млн чел. [5].

По результатам статистического анализа 2024 года выявлено, что преобладание смертности над рождаемостью обусловило убыль российского населения в 596,2 тыс. чел. При этом фиксируется рост аналогичных данных за прошлый год на 20 %. Максимальная естественная убыль российского населения была зафиксирована в пандемию в 2021 г. и составила около 1,04 млн чел. [6].

Уровень рождаемости в целом по России за 2024 г. сократился; зафиксировано падение рождаемости по сравнению с прошлым годом на 3,4 %. Сравнительные исследования демографов показали, что более низкий уровень рождаемости в России был только в 1999 г. [7].

Рекордсменами по спаду уровня рождаемости в 2024 г. по отношению к прошлому году, стали: Еврейской автономной область, Алтайский край, Белгородская область [8]. Коэффициент рождаемости на данных территориях снизился в 2024 г. до 8,4 с 8,7 по итогам 2023 г. [8]. Суммарный коэффициент рождаемости в 2024 г. достиг своего минимума за последние 17 лет и составил 1,4 [8]. Динамика снижения СКР является одним из решающих индикаторов демографического неблагополучия страны и ее регионов.

По расчетам демографов для простого воспроизводства населения в стране коэффициент рождаемости должен достигать показателя 2,1. Расширенное воспроизводство населения, что крайне актуально для России, по мнению А.Г. Вишневого, должно базироваться на оценке данного показателя в 2,5 [9].

По данным официальной статистики, в 2024 г. смертность российского населения достигла 1,82 млн чел., что обусловило прирост на 3,3 % по сравнению с прошлым годом. Наблюдается негативная динамика роста коэффициента смертности (количество смертей на одну тысячу жителей). В 2023 г. данный коэффициент составил 12. В 2024 г. коэффициент смертности увеличился до 12,5 [8].

Результирующая демографическая ситуация в России складывается из существующих региональных потоков. Следовательно, российская депопуляция является итогом депопуляции большей части ее территорий.

Таким образом, эмпирические исследования актуальной региональной информации и тенденций необходимы для ее релевантного использования в рамках социального контроля и лимитирования негативных трендов, подготовки научно обоснованных управленческих решений во исполнение национального проекта «Демография».

Научный обзор

Демографическое поведение населения изучается с позиций различных междисциплинарных подходов. Традиционно выделяют репродуктивное, брачное, самосохранительное, миграционное поведение. Итоговый результат взаимодействия данных видов поведения обеспечивает специфику регионального демографического благополучия/неблагополучия населения российской территории.

В представленном исследовании преимущественно авторами статьи будет анализироваться самосохранительное поведение, вклад которого максимально важен для изучения заболеваемости, смертности населения, в том числе от неестественных причин, таких как убийств и самоубийства. По данным современных демографов и социологов именно данные показатели детерминируют негативную динамику естественной убыли населения [10–12].

Представители медицинского подхода в анализе самосохранительного поведения исследуют не только ответственность институтов здравоохранения, но и отношение населения к своему здоровью, приверженность к здоровому образу жизни, своевременность и активность обращения за медицинской помощью, личную заинтересованность в своем здоровье, мотивацию к долгой и плодотворной жизни на благо самой личности и общества.

В основе медицинского дискурса исследований находится деятельность социального актора и социальных групп, связанная с оптимизацией своего здоровья. Базовыми компонентами самосохранительного поведения в медицинском контексте являются: безопасность труда и досуговой деятельности; отказ от вредных привычек; следование гигиеническим и психогигиеническим привычкам; приверженность активной физической активности и здоровому образу жизни; своевременность обращения за медицинской помощью и пр. [13, 14].

Психологический контекст самосохранительного поведения акцентирует особенности мотивации к укреплению своего здоровья, оценку и самооценку индивидуального актуального здоровья, уровень амбиций в достижении характеристик максимально желаемого здоровья, установки, уровень интернальности, детерминирующий систему действий по сохранению и профилактике заболеваний, контроль полученного результата [15].

Социальный дискурс в исследовании демографического поведения населения основан на анализе социально-экономических и социально-психологических коррелятов поведения, направленного на здоровье сбережение. Демографическое поведение детерминируется демографическими установками, которые непосредственно влияют на готовность создавать семью, количество детей в семье, определяют ценность общественного здоровья [16].

В данном контексте социально-экономические условия жизнедеятельности, а также актуальная социально-демографическая политика может обуславливать специфику демографического поведения в том или ином регионе страны.

Например, по данным регионального исследования, молодежь Алтайского края откладывает создание семьи и рождение первого ребенка из-за неблагоприятных условий жизнедеятельности в регионе, связанных с низким уровнем жизни, отсутствием достойных предложений трудоустройства на региональном рынке труда [17].

Выявлено то, что молодежь откладывает создание семьи в среднем до 28–30 лет [3]. Практически каждый третий мужчина (31 %) и 40 % женщин оценивают свое репродуктивное и соматическое здоровье как не очень благоприятное для рождения детей [3].

Всероссийское исследование демографического самочувствия населения констатировало, что отдельные регионы находятся в глубоком демографическом кризисе, индикаторами которого являются сокращение численности населения, низкий уровень рождаемости [3].

Последствия пандемии и современной геополитической ситуации в стране усугубляют проблему дефицита трудового потенциала стран; миграции молодого населения из российских приграничных регионов, усиления нагрузки на систему здравоохранения в связи со старением населения и пр.

Исследование российских ученых доказало, что дифференциация российских регионов в контексте ее природных, географических, экономических, культурных, национальных особенностей, определяет специфику демографической ситуации и требует соответствующей демографической политики [13–18].

Российские регионы можно разделить на два типа: регионы-лидеры с наиболее благополучной демографической ситуацией естественного движения населения и регионы с неблагоприятными тенденциями. Факторами, способствующими данной тенденции, являются благоприятные природно-климатические условия, особенности религиозных и национальных традиций и пр. К данным регионам относят: субъекты Северо-Кавказского федерального округа, часть регионов Южного федерального округа, а также некоторые регионы Северо-Западного, Сибирского, Дальневосточного округов) [3, 18].

Регионам с неблагоприятными тенденциями, в контексте естественного движения населения, присущ низкий социально-экономический уровень развития, приграничное, отдаленное от центра территориальное расположение, значительное количество сельских территорий, увеличивающаяся миграция молодежи из регионов и пр. К подобным территориям ученые отнесли большинство субъектов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов [18].

Таким образом, геодемографическая ситуация в РФ сложная и неоднозначная по своим проявлениям, требует дифференцированных подходов к ее анализу и социальному контролю.

Депопуляция населения Алтайского края отличается более интенсивным характером, чем в среднем по России. Население региона стремительно сокращается из-за естественной убыли населения и растущей миграции населения в европейские регионы страны. Развитие про-

цесса урбанизации способствует сжатию сельских территорий края, совокупная доля которых по сравнению с городскими образованиями составляет в регионе 42 % [19].

В Алтайском крае зафиксированы более низкие темпы рождаемости в сравнении с общероссийским уровнем, более высокая скорость старения населения, увеличивающийся дисбаланс численности мужчин и женщин репродуктивного возраста. В регионе сокращается численность трудоспособного населения и региональный рынок труда испытывает значительный кадровый голод.

Среди причин депопуляции ученые выделяют низкий уровень жизни, наличие структурных диспропорций на региональном рынке труда, значительную образовательную и трудовую миграцию молодого населения страны в Москву, Санкт-Петербург, Калининград и другие крупные российские города [3, 20, 21].

Специфической причиной ускоренной депопуляции является сжатие сельских территорий из-за стремительных процессов урбанизации региона. В сельских территориях ускоренными темпами идет процесс старения населения, сокращение числа трудоспособных граждан. Как и для всего мира, России, в крае идет процесс снижения рождаемости за счет откладывания создания семьи и появления первенца на несколько лет. Экологическая проблема усугубляет демографическую ситуацию. Ряд территорий края страдают от загрязнения воздуха и воды. Все это стимулирует переезд населения в более благоприятные районы проживания [22].

Методология исследования

Исследование базируется на междисциплинарном комплексном анализе. Для объяснения полученных данных используются структурно-функциональный, демографический подходы в совокупности со статистическим анализом значимых экономических и воспроизводственных показателей жизнедеятельности населения региона. Применен метод моделирования на основе регрессионного анализа данных социологического опроса населения Алтайского края.

Результаты опроса получены в ходе исследования по теме «Социально-демографическая безопасность сельских территорий Алтайского края», проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета в 2022–2024 гг. Использована многоступенчатая стратифицированная выборка, $n = 600$, возраст опрошенных – 18–70 лет. Анкетирование позволило изучить современные условия и факторы демографического поведения населения края. Представленная регрессионная модель зафиксировала статистически значимые факторы самосохранительного компонента демографического поведения жителей края.

Результаты

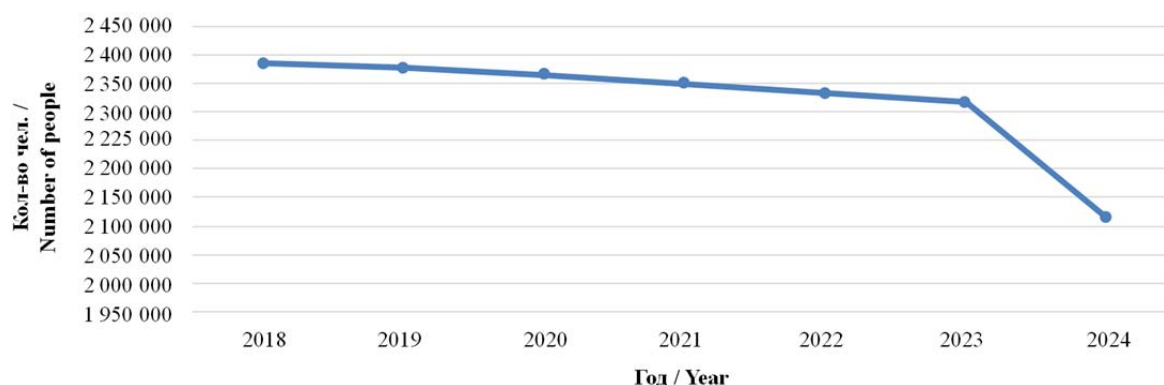
Согласно данным Алтайкрайстата на 01.01.2024 население Алтайского края насчитывало 2,12 млн чел., из которых 1,24 млн (58 %) проживают в городах, а 0,88 млн (42 %) – в сельской местности [23]. В регионе наблюдается большой удельный вес сельского населения, что отчасти определяет высокую занятость в аграрном секторе. При этом плотность населения в регионе достаточно низкая – всего 12,7 чел. на 1 км² [24].

Демографическое благополучие региона, по мнению авторов статьи, должно отражаться в объективных показателях естественного движения населения, позитивной или стабильной динамике его численности.

Объективным индикатором такого благополучия/неблагополучия является статистический показатель (рис. 1).

Как представлено на рис. 1, с 2018 г. численность населения края неуклонно снижается. Фиксируется хроническая негативная тенденция убыли населения, причем с каждым новым годом масштаб депопуляции населения растет. Кроме естественной убыли населения, значительный вклад в данный процесс вносит миграционная убыль населения. В 2023 г. она составила 3150 чел. [19].

Базовые показатели естественного движения населения, такие как рождаемость и смертность населения Алтайского края, представлены на рис. 2.

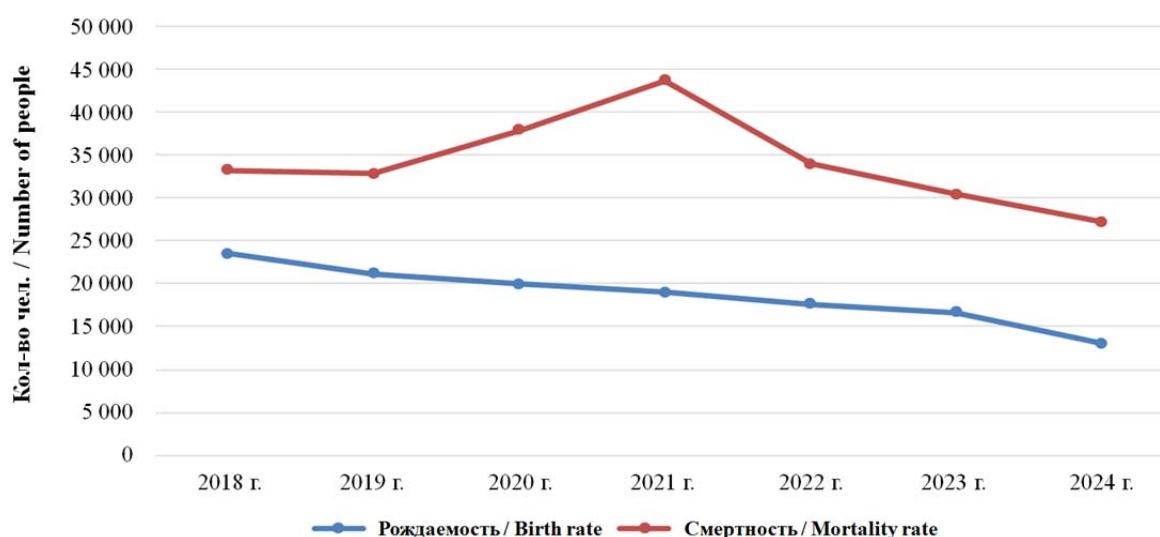

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 1. Динамика численности населения в Алтайском крае с 2018 по 2024 г. (млн чел.)

Fig. 1. Population dynamics in the Altai Krai from 2018 to 2024 (million people)

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Динамика показателей рождаемости и смертности населения Алтайского края с 2018 по 2024 г. (тыс. чел.)

Fig. 2. Dynamics of fertility and mortality rates in the Altai Krai from 2018 to 2024 (thousand people)

Как представлено на рис. 2, зафиксирована динамика снижения рождаемости, преобладание смертности над рождаемостью, волнообразный характер смертности с пиковыми показателями с 2020 по 2022 г., что можно связать с эпидемией COVID-19, началом СВО.

Чтобы изучить экономическую основу депопуляции населения в Алтайском крае, выделим отрасли, обладающие наибольшим удельным весом в его валовом региональном продукте (ВРП) и проведём анализ заработной платы занятого в них населения.

По состоянию на 2023 г. такими отраслями являлись: 1) обрабатывающие производства (18,91 %); 2) сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (15,78 %); 3) торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (13,48 %);

5) деятельность по операциям с недвижимым имуществом (12,68 %); 6) государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение (7,47 %) [4].

За 2021–2023 гг. наблюдался рост зарплат во всех ведущих секторах экономики Алтайского края. Он составил от 26,71 % в *госуправлении, военной безопасности и соцобеспечении* до 52,58 % в *обрабатывающем производстве* (в последнем произошёл рост как числа сотрудников, так и уровня заработной платы) [24, 25]. Однако одновременно с этим наблюдается тренд снижения среднесписочной численности работников организаций (от 4,59 до 19,23 %), за исключением сектора «*Обрабатывающие производства*», где наблюдается увеличение на 1,96 %. Это может говорить о высокой текучести кадров, ухудшении условий труда и т. п.

В 2023 г. самый высокий уровень оплаты труда наблюдался в сфере деятельности *воздушного и космического транспорта* – 91,96 тыс. руб., в отрасли «*Транспортировка и хранение (грузовой железнодорожный и трубопроводный транспорт)*» – 80,00–87,00 тыс. руб. Сюда также входят некоторые сферы из отрасли «*Обрабатывающие производства*» – от 60,66 до 67,06 тыс. руб. Однако такой оклад имеет ограниченное количество занятого населения.

Следующим шагом, исходя из соотношения «количество занятого населения в отрасли – размер оплата труда», стало определение реального уровня заработной платы большинства занятого населения Алтайского края (табл. 1).

Таблица 1. Секторы экономики Алтайского края, в которых занято большинство трудоспособного населения (2023 г.)

Table 1. Sectors of the economy of the Altai Krai in which the majority of the working-age population is employed (2023)

Наименование показателя (сектора экономики) Name of the indicator (sector of the economy)	Среднесписочная численность работников (чел.) Average number of employees (persons)	Среднемесячная заработная плата одного работника, руб. Average monthly salary of one employee, rub.
Транспортировка и хранение Transportation and storage	30589	51362
Растениеводство и животноводство, охота Crop and livestock production, hunting	34618	37358
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение Public administration and military security; social security	55293	57856
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг Activities in the field of health and social services	63616	43190
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles	72264	35024
Образование/Education	74436	37734
Обрабатывающие производства Manufacturing industries	92298	51018

Источник: рассчитано и составлено авторами.
Source: calculated and compiled by the authors.

В данную выборку попали сразу пять секторов (подсекторов) из списка ведущих отраслей: *сельское хозяйство, госуправление, торговля и обрабатывающие производства*. В этих отраслях занято от 30,59 до 92,30 тыс. чел. со средним месячным доходом от 37,36 до 51,36 тыс. руб.

По окончании 2023 г. Алтайский край занял 73-е место из 85 в рейтинге российских регионов по уровню заработной платы. По данным агентства «РИА Рейтинг» лишь 3,4 % населения получает более 100,00 тыс. руб. в месяц, в то время как 20 % имеет заработок ниже 20,00 тыс. руб. Суммарный диапазон типовых зарплат в регионе колеблется от 22,00 до 45,00 тыс. руб., что на 60–80 % ниже данных, приведенных в статье [26]. Для сравнения: соседняя Новосибирская область занимает 28-е место с долей населения с зарплатой выше 100,00 тыс. руб/мес. и ниже 20,00 тыс. руб/мес. 9,6 и 9,8 % соответственно, а средние зарплаты находятся в пределах 29,00–59,00 тыс. руб. [26].

Полученные результаты анализа заработной платы населения края являются индикаторами сниженного социального настроения населения.

Следующий этап исследования – определение уровня материального благосостояния занятого населения Алтайского края. Для этого необходимо проанализировать основные расходы домашних хозяйств в Алтайском крае, состав потребительской корзины, индекс потребительских цен (ИПЦ) в регионе, а также уровень инфляции.

Таблица 2. Потребительские расходы на одного члена домохозяйства в месяц в Алтайском крае за 2019–2023 гг., руб.

Table 2. Consumer spending per household member per month in the Altai Krai for 2019–2023, rub.

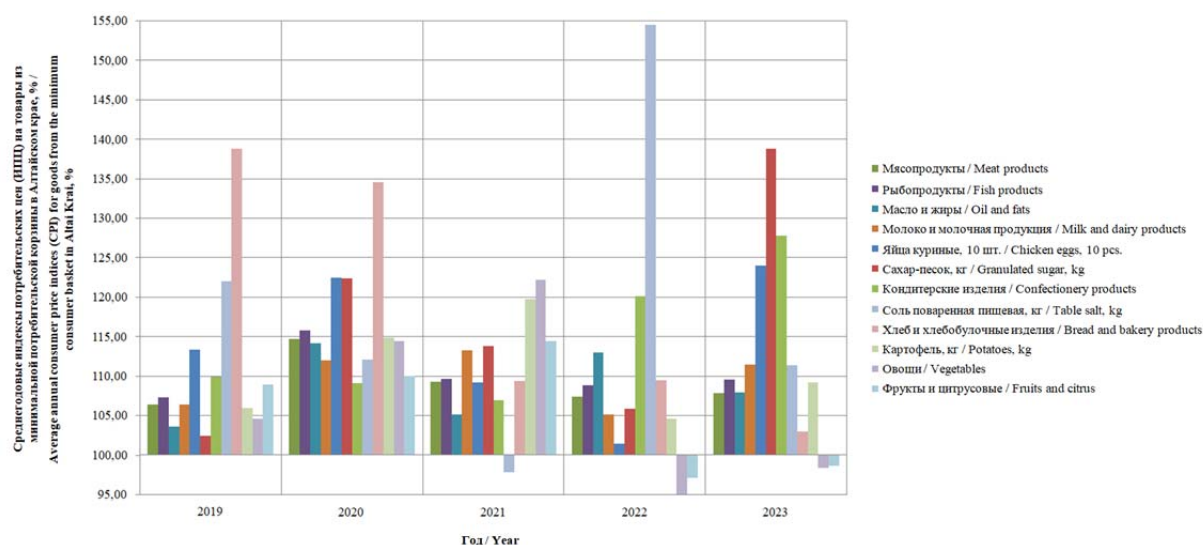
Год Year	Расходы на потребление Consumption expenditure	В том числе/Including:	
		стоимость питания/cost of food	денежные расходы/cash expenses
	руб./rub.		
Все домашние хозяйства/All households			
2019	13 935	5503	4678
2020	13 624	323	4488
2021	15 337	5685	4795
2022	16 395	6721	5612
2023	18 920	7670	6293
Домашние хозяйства в городской местности/Households in urban areas			
2019	15 869	6267	5776
2020	14 441	5743	5213
2021	15 598	6067	5556
2022	16 528	6565	5855
2023	19 715	7691	6785
Домашние хозяйства в сельской местности/Households in rural areas			
2019	11 404	4502	3238
2020	12 545	4768	3528
2021	14 989	5174	3778
2022	16 216	6931	5283
2023	17 809	7641	5604

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Source: calculated and compiled by the authors.

Согласно данным табл. 2, наблюдается увеличение потребительских расходов населения региона: в сельской местности на 57,16 %, в городской – на 24,24%.

Без принятия во внимание минимальной потребительской корзины невозможно объективно дать оценку благосостояния населения. «Когда говорят об инфляции, обычно имеют в виду индекс потребительских цен (ИПЦ), который измеряет изменение во времени стоимости набора продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, потребляемых средним домохозяйством (то есть стоимости потребительской корзины)». На рис. 3 представлены ИПЦ на базовые продукты питания в Алтайском крае за период 2019–2023 гг.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 3. Среднегодовые индексы потребительских цен в Алтайском крае на продовольственные товары, %

Fig. 3. Average annual consumer price indices for food products in the Altai Krai, %.

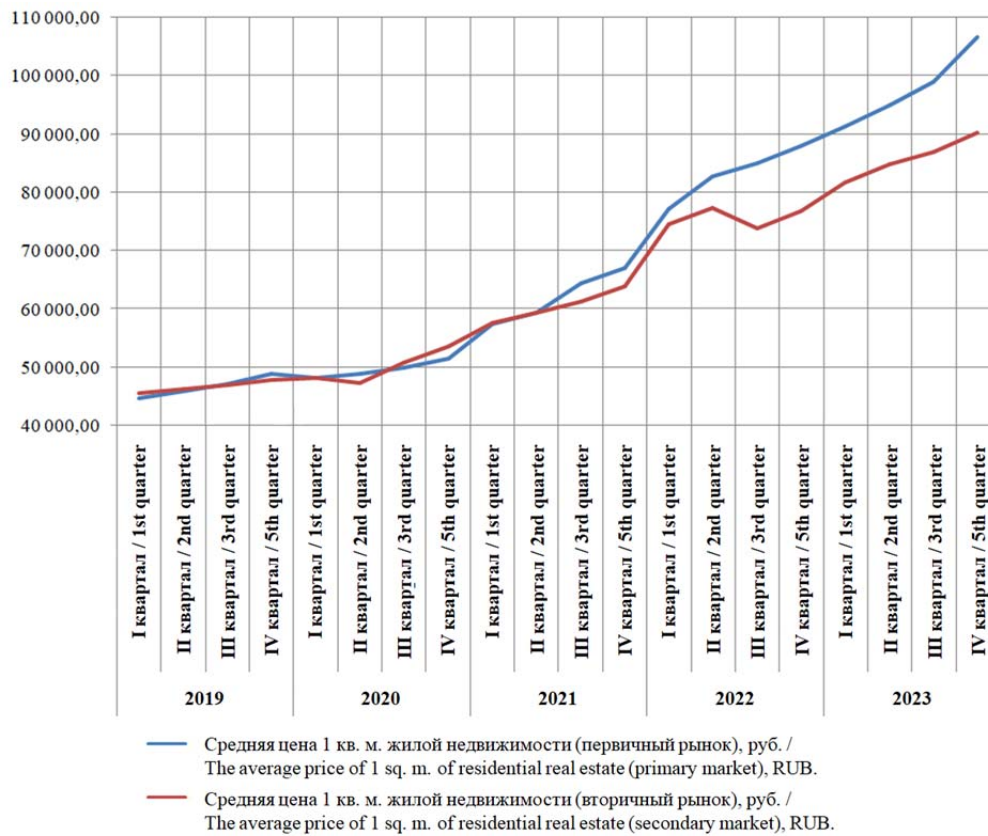
Согласно данным, представленным на рис 3, наблюдается достаточно негативная тенденция, а именно существенный рост цен на базовые продукты питания вплоть до 50 % в год. В 2023 г. в этот список вошли, например, молоко и молочная продукция (рост на 11,43 %), яйца куриные (рост на 23,98 %), кондитерские изделия (рост на 27,81 %), сахарный песок (рост на 38,75 %). На протяжении 5 лет среднегодовой рост цен на многие категории продовольственных товаров, в том числе вышеупомянутые, достигает 100 %. Это, например, сахарный песок (83,25 %), хлеб и хлебобулочные изделия (95,06 %) и соль поваренная (97,69 %).

Одним из самых значимых факторов, влияющих на благосостояние населения, является доступность жилой недвижимости.

Согласно рис. 4, цена 1 м² жилья в Алтайском крае стабильно держалась на уровне 44,00–49,00 тыс. руб. как на первичном, так и на вторичном рынках. Однако введенная в 2020 г. Правительством РФ льготная ипотека (кредит на покупку недвижимости по ставке, ниже рыночной) как инструмента поддержки рынка недвижимости в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, спровоцировала резкий ценовой скачок. Совокупный рост цен за 2019–2023 гг. составил 85,15 % на вторичном рынке и 109,94 % – на первичном. Снижение ставок по ипотечным кредитам сделало жилье более доступным для граждан, что способствовало их активному выходу на рынок недвижимости. Тем не менее легкость получения ипотечных кредитов без должного анализа привела к стремительному росту цен, что усугубило ситуацию и сделало приобретение жилья менее реальным для большинства людей, провоцируя при этом социальную напряженность.

Так, в 2023 г. доля семей в Алтайском крае, которые могли позволить себе купить квартиру в ипотеку, составляла 17,50 % [27] со средним сроком накопления на первоначальный взнос 6,40 лет. Существенная доля семей в регионе, а именно 34,60 % вовсе не способна накопить на первоначальный взнос даже за 10-летний срок [28].

Для характеристики демографического самочувствия, с точки зрения автора статьи, крайне важен анализ уровня безработицы и дефицита кадров, ведь занятость – это состояние человека, включенного в общественно полезную деятельность, связанную с удовлетворением его личных потребностей и потребностей общества. Динамика безработицы в регионе представлена на рис. 5.

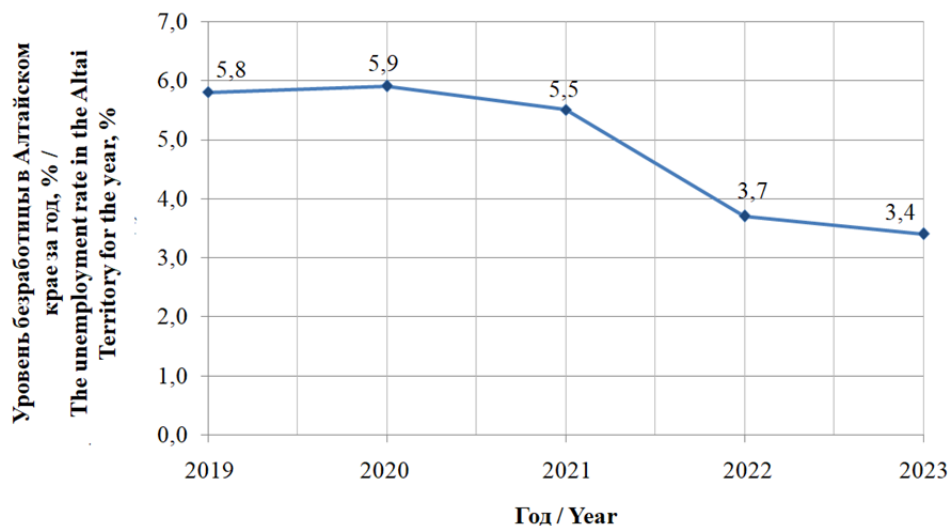

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 4. Динамика средней цены 1 м² общей площади квартир на рынке жилья Алтайского края (2019–2023 гг.), руб.

Fig. 4. Dynamics of the average price of 1 m² of the total area of apartments in the housing market of the Altai Krai (2019–2023), rub.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 5. Динамика уровня безработицы в Алтайском крае за 2019–2023 гг., %

Fig. 5. Dynamics of the unemployment rate in the Altai Krai in 2019–2023, %

По данным рис. 5, составленного на основе данных государственной статистики, следует, что уровень безработицы в Алтайском крае с 2019 по 2023 г. снижался. Это может быть связано с сокращением численности трудовых мигрантов, ростом числа самозанятых и людей, подписавших контракт с Минобороны РФ, а также увеличением количества вакансий в ВПК [19].

В регионе фиксируется скрытая безработица. Данные опроса по длительности данного негативного явления выявили следующие результаты: 54 % респондентов не стояли на бирже труда на момент опроса, другая часть респондентов в последнее время сталкивалась с ситуацией безработицы. Из них два месяца оставались без работы 12 % человек. Каждый пятый респондент был безработным около полугода. Длительное время (несколько лет) не имели работы около 7 % респондентов. При этом не стояли на бирже труда около 4 % человек. Особенно уязвимой в контексте удовлетворенности жизнью, социального неблагополучия является группа населения, длительно безработная и не стоящая на бирже труда [29].

Около половины опрошенных респондентов имеют опасения и тревогу, связанную с возможностью потери настоящей работы. Рейтинг причин факторов риска потери работы включил: плохое экономическое положение предприятия (34 %), невозможность найти подходящую работу (21 %); особые семейные обстоятельства (16 %); недостаточную квалификацию (13 %); плохое здоровье (12 %) и пр.

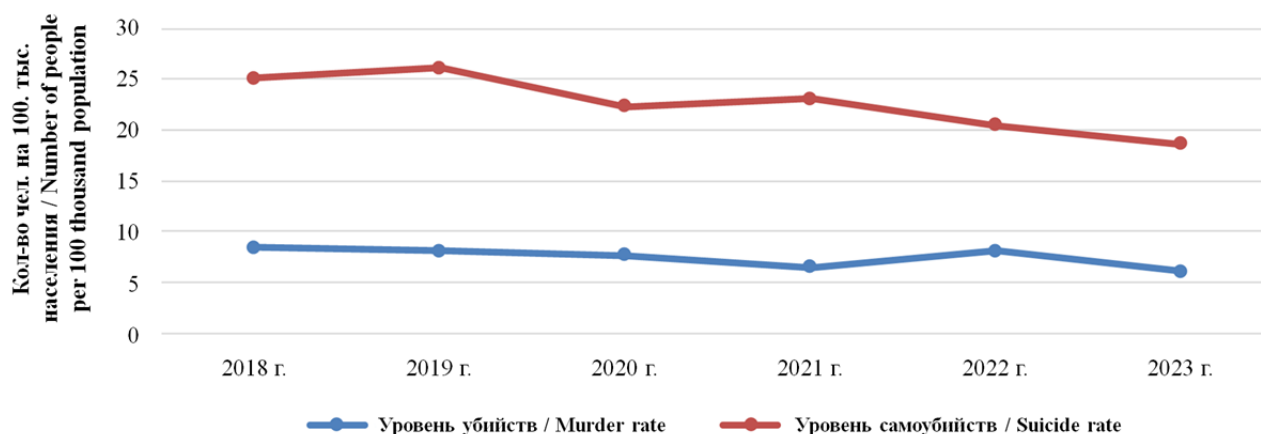
В то же самое время на региональном рынке труда фиксируется значительная диспропорция. Согласно аналитическому отчету Управления Алтайского края по труду и занятости населения, в 2023 г., около 6,8 тыс. работодателей зафиксировали нереализованную потребность в кадрах. Всего поступило 112,10 тыс. вакансий (в 2022 г. – 106,80 тыс. вакансий). Рост потребности, согласно источнику, обусловлен созданием новых рабочих мест. Основная доля заявленных вакансий пришлась на сферу обрабатывающих производств (25,70 %), образования (16,20 %), сельского хозяйства (10,30 %), здравоохранения и социальных услуг (9,30 %) [29].

Для оценки влияния социально-экономических условий жизнедеятельности населения на процесс депопуляции представим ответы респондентов об удовлетворенности базовыми компонентами благополучия. Благополучие, по мнению авторов статьи, – это системный индикатор эффективного функционирования социальной сферы. Оно отражается в социальном самочувствии, уровне благосостояния, качестве жизни населения. Респондентам был задан вопрос «Насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены разными аспектами жизнедеятельности?». Ответы распределялись по следующей шкале: «совсем не удовлетворен», «не очень удовлетворен», «и да и нет», «полностью удовлетворен». Ответы респондентов «совсем не удовлетворен» и «не очень удовлетворен» трактовались как низкий уровень удовлетворенности. Согласно полученным результатам, значительная часть населения Алтайского края не удовлетворена условиями труда (50 % опрошенных); оплатой труда (46 %); материальным положением (45 %); жилищными условиями (27 %); жизнью в целом (23 %) и пр. Таким образом, каждый пятый житель края не удовлетворен жизнью в целом и испытывает системную социальную фрустрированность относительно условий проживания в регионе.

Уровень убийств и самоубийств в территории является комплексным и наиболее существенным совокупным индикатором девиаций, социального неблагополучия в обществе. Под социальным неблагополучием подразумевается комплексная депривация, неудовлетворенность актуальных базовых потребностей человека, что приводит к чувству личной несостоятельности, неуверенности в завтрашнем дне, незащищенности и нестабильности в жизни. Динамика убийств и самоубийств с 2018 по 2023 г. представлена на рис. 7.

Как представлено на рис. 6, существует незначительная положительная динамика некоторого медленного снижения уровня суицидов в регионе, однако наблюдается превышение критического уровня в 20 самоубийств на 100 тыс. населения (по критерию ВОЗ) на протя-

жении 5 лет исследуемого периода, что, по мнению суицидологов, свидетельствует о крайне неблагоприятной ситуации для жителей региона. Критический уровень самоубийств в Алтайском крае свидетельствует также о распространенности в регионе саморазрушительных стратегий поведения. Кроме того, в крае наблюдается более высокий уровень самоубийств, чем убийств. Два указанных экстремальных показателя девиантного и саморазрушительного поведения являются статистическими индикаторами демографического неблагополучия в регионе.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Рис. 6. Динамика уровня убийств и самоубийств в Алтайском крае с 2018 по 2023 г. (количество человек на 100 тыс. населения)

Fig. 6. Dynamics of homicide and suicide rates in the Altai Krai from 2018 to 2023 (number of people per 100000 population)

В частности, смертность населения региона от неестественных причин, куда входят убийства, самоубийства, алкогольные отравления, падения с высоты с невыясненными намерениями, находится на 3-м месте в структуре причин смертности населения после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний.

Как полагают российские исследователи, демографическое самочувствие может отражаться на демографическом поведении населения, выборе определенных негативных линий поведения и пр. [3, 30].

Для выявления статистически значимых показателей, провоцирующих девиантное и саморазрушительное демографическое поведение, авторами статьи был проведен регрессионный анализ данных (табл. 3).

Исследование социально-экономических условий демографического неблагополучия Алтайского края позволило выделить статистически значимые индикаторы негативного самосохранительного и девиантного поведения. Согласно полученной регрессионной модели, такими факторами явились: **социально-демографические** характеристики, включившие преимущественно мужчин ($p \leq 0,01$), имеющих средне-профессиональное образование ($p \leq 0,008$). Жители сельской местности в большей степени подвержены негативным стратегиям саморазрушительного поведения, чем горожане. Разведенные граждане на уровне предполагаемой тенденции ($p \leq 0,12$) более уязвимы в контексте неблагополучных форм демографического поведения.

Таблица 3. Модель бинарной логистической регрессии факторов риска девиантного, саморазрушительного поведения населения Алтайского края
Table 3. Binary logistic regression model of risk factors for deviant, self-destructive behavior of the Altai Krai population

Переменная Variable	Перрессионный анализ Regression analysis			
	R	B	p	Exp(B)
Социально-демографические показатели/Socio-demographic indicators				
Пол (мужчины)/Gender (male)	0,13	0,477	0,01	0,62
Образование (среднее профессиональное) Education (secondary vocational)	0,17	0,24	0,008	1,0
Социально-территориальный признак (село) Social-territorial feature (village)	0,18	-0,946	0,001	1,0
Семейное положение (разведены, вдовство) Marital status (divorced, widowed)	0,25	0,23	0,12	1,2
Оценка своего социально-экономического статуса/Assessing your socio-economic status				
Чувство неуверенности в завтрашнем дне Feeling of uncertainty about the future	0,40	0,398	0,05	0,76
Низкая удовлетворенность материальным положением Low satisfaction with financial situation	0,25	-0,235	0,15	0,78
Я переживаю из-за того, что зарабатываю не столько, сколько мог бы I'm worried that I'm not earning as much as I could	0,40	0,25	0,25	1,0
Длительность безработицы/Duration of unemployment	0,26	0,15	0,17	0,98
Опасение потерять работу/Fear of losing a job	0,40	0,27	0,10	0,78
Несоответствие реального и ожидаемого социального положения Discrepancy between actual and expected social status	0,40	-2,55	0,20	0,45
Негативная оценка чрезмерной дифференциации доходов Negative assessment of excessive income differentiation	0,40	0,15	0,001	0,38
Социально-психологическое самочувствие/Social and psychological well-being				
Неудовлетворенность жизнью в целом в настоящее время Dissatisfaction with life in general at the present time	0,25	-0,400	0,19	1,8
Несоответствие реального и ожидаемого качества своей жизни Discrepancy between the actual and expected quality of one's life	0,41	0,700	0,10	0,56
Настоящая жизнь часто невыносима/Real life is often unbearable	0,41	0,150	0,13	0,98
Негативная оценка состояния своего здоровья Negative assessment of one's health	0,18	-0,262	0,31	0,67
Требования жизни часто превышают мои возможности Demands of life often exceed my capabilities	0,41	-0,182	0,21	0,56
Отношение к девиациям/Attitude to deviations				
Допустимость нанесения повреждений себе ради удовольствия, идеи Acceptability of self-harm for pleasure, ideas	0,25	0,22	0,006	1,0
Допустимость разводов/Admissibility of divorces	0,25	0,120	0,21	1,0
Допустимость занятия проституцией Admissibility of prostitution	0,25	0,17	0,005	1,0
Употребление нелегальных подпольных алкогольных изделий Use of illegal underground alcoholic products	0,19	1,75	0,33	0,6
Проблемы у близких, связанные с алкогольной зависимостью Problems in loved ones related to alcohol addiction	0,10	-0,676	0,47	0,7
Употребление наркотиков инъекционным путем Injecting drug use	0,19	0,234	0,14	1,0

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Source: calculated and compiled by the authors.

Примечание. R (R-квадрат Кокса и Снелла) – коэффициент разницы в распространенности; B – коэффициент взаимовлияния переменных; p – уровень значимости.

Note. R (Cox and Snell R-squared) – coefficient of difference in prevalence; B – coefficient of interaction of variables; p – level of significance.

Социально-экономические показатели составили наибольшую группу статистически значимых факторов демографического поведения. Например, чувство неуверенности в завтрашнем дне на уровне предполагаемой тенденции ($p \leq 0,05$) стимулирует социальное неблагополучие граждан. Низкий материальный статус жителей, неуверенность в завтрашнем дне, безработица, опасение потери работы вносят значительный совокупный вклад в негативные поведенческие стратегии населения. Наиболее статистически значимым показателем ($p \leq 0,001$) в контексте демографического неблагополучия оказалась негативная оценка населением чрезмерной дифференциации доходов. Полученный результат согласуется с широко распространенным фактом о том, что увеличение коэффициента Джини является чувствительным индикатором социального неблагополучия в его комплексном понимании.

Социальное-психологическое самочувствие жителей края, объединяющее разные формы неудовлетворенности базовыми аспектами жизнедеятельности в регионе, обуславливают социально-психологическую фрустрированность и усиливают разрушительные детерминанты демографического поведения. В частности, на уровне предполагаемых тенденций такие показатели, как «неудовлетворенность жизнью в целом в настоящее время» ($p \leq 0,19$); «несоответствие реального и ожидаемого качества своей жизни» ($p \leq 0,10$); «ощущение невыносимости жизни» ($p \leq 0,13$); «негативная оценка состояния своего здоровья» ($p \leq 0,31$); «требования жизни, часто превышающие возможности граждан» ($p \leq 0,21$) стимулируют девиантные формы поведения.

Разнообразные девиации включили значительное количество факторов, провоцирующих неэффективное самосохранительное поведение граждан Алтайского края. Наиболее статистически значимым явился такой индикатор, как «допустимость нанесения повреждений себе ради удовольствия, идеи» ($p \leq 0,006$). Данный показатель, с точки зрения авторов статьи, свидетельствует о распространенности самоповреждающего поведения среди населения края, может косвенно влиять на численность смертей от неестественных причин, доля которых в структуре смертности региона значительна.

Обсуждение

Депопуляция населения Алтайского края – это системный, комплексный долговременный нарастающий процесс, объединяющий объективные и субъективные аспекты.

К объективным факторам можно отнести влияние демографического перехода и ускоряющийся процесс урбанизации как следствие нисходящей демографической структурной волны, затронувшей все территории России, в том числе и Алтайский край; старение населения, являющееся яркой приметой всего современного мира и пр.

Региональными особенностями демографического неблагополучия региона явились: ускоренное сжатие вследствие депопуляции сельских территорий, сокращение трудоспособного населения в большей степени, чем в среднем по России, кадровый «голод» и дефицит высококвалифицированных специалистов на региональных рынках труда, что снижает привлекательность производственных проектов для инвесторов.

Низкая социальная удовлетворенность процессами жизнедеятельности в регионе требует пересмотра направлений социально-экономической политики, системных усилий для повышения качества жизни в крае.

Заключение

По результатам представленного в статье исследования можно сделать следующие выводы:

1. Совокупность значимых социально-экономических факторов определяет региональную специфику демографического неблагополучия Алтайского края.
2. Каждый второй житель региона не удовлетворен условиями, оплатой труда, своим материальным положением, что стимулирует интенсивную миграцию населения в другие регионы.

3. По данным социологического опроса пятая часть населения региона негативно оценивает жизнь в регионе в целом, что является комплексным фактором демографического неблагополучия в крае.
4. Наиболее уязвимыми категориями граждан в контексте саморазрушительного поведения явились мужчины ($p \leq 0,01$), проживающие в селах ($p \leq 0,001$), имеющие среднее профессиональное образование ($p \leq 0,008$).
5. Статистически значимым индикатором демографического неблагополучия явился социально-экономический показатель «негативная оценка населением чрезмерной дифференциации доходов» ($p \leq 0,001$).
6. Социально-психологическое самочувствие населения региона, а именно «несоответствие реального и ожидаемого качества своей жизни» на уровне предполагаемой тенденции ($p \leq 0,10$) стимулирует демографическое неблагополучие в регионе.
7. Высокий уровень толерантности к девиациям, а именно «допустимость нанесения повреждений себе ради удовольствия, идеи», на статистически значимом уровне ($p \leq 0,006$) свидетельствует о распространенности в регионе саморазрушительного поведения.
8. Девиантное поведение (например, занятие проституцией) на статистически значимом уровне ($p \leq 0,005$) может являться индикатором социального неблагополучия в регионе.

Подводя итоги статьи, важно резюмировать, что для выхода из ускоренной депопуляции демографическую политику в стране и ее регионах необходимо проводить дифференцированно во времени, учитывая направленность и интенсивность спадов и подъемов численности населения. Кроме того, важно формировать эффективную демографическую стратегию в субъектах РФ, учитывая ее региональную специфику.

Возможными мерами по минимизации ускоренной депопуляции населения края можно назвать: оптимизацию экономической ситуации; создание новых рабочих мест, привлекающих для граждан региона; формирование социальной инфраструктуры, мотивирующей молодежь региона трудиться на благо территории. Социально-экономическая поддержка сельского населения региона призвана снизить скорость депопуляции сельских территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Депопуляция в России. Ее этапы, особенности и возможности нейтрализации // Социально-трудовые исследования. – 2019. – № 2 (35). – С. 6–15. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15.
2. Маркварт Э., Безвербный В. А., Ситковский А.М. Пространственное сжатие территорий Российской Федерации: понятие, критерии, система показателей // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. – С. 63–93. – EDN: UENSFM.
3. Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности: монография / отв. ред. Т.К. Ростовская. – Москва: Проспект, 2022. – 264 с.
4. Рыбаковский О.Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. – 2022. – Т. 23. – № 1. – С. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5.
5. Рыбаковский О.Л. Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.1>. EDN: ZARKPP.
6. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. В.В. Локосова. – М.: Экон-Информ, 2015. – 411 с.
7. Демография. Численность и состав населения // Управление Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 06.01.2025).
8. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2022. – 608 с.
9. Черепанова М.И., Щеглова Д.К. Регрессионная модель здоровья населения российских регионов // Вопросы безопасности. – 2023. – № 4. – С. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2023.4.39112>. EDN: JXBTAM.
10. Черепанова М.И. Социально-демографическая безопасность: комплексная оценка человеческого капитала в регионах российского приграничья: монография. – Барнаул: АлтГУ, 2024. – 203 с. EDN: YRWSNI.

11. Billari F.C., Liefbroer A.C. Should I stay or should I go? The impact of age norms on leaving home // *Demography*. – 2022. – Vol. 44. – Iss. 1. – P. 181–198. DOI: 10.1353/dem.2007.0000.
12. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Sirotina T.V. Social well-being as an integral characteristic of the secure functioning and sustainable development in regions // *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research, Lecture Notes in Networks and Systems* / Eds. S.G. Maximova, R.I. Raikin, A.A. Chibilev, M.M. Silantyeva. – Cham: Springer, 2023. – Vol 234. – P. 417–424. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_39.
13. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research* / Eds. J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. – Boston, MA: Springer, 2023. – P. 3–19. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1.
14. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Saryglar S.A. Human capital and problems of russian human ecology // *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems* / Ed. by S.G. Maximova. – Cham: Springer, 2023. – Vol 365. – P. 405–411. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_36. EDN: WANHPO.
15. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Saryglar S.A. Reproduction of human capital in the Altai territory // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. – 2022. – Т. 1. – № 11. – С. 328–338. EDN: AQUHYV.
16. Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений: монография / М.Ю. Евсин, И.В. Измалкова, Т.Ю. Исмаилова и др. – Тамбов: Державинский, 2023. – 106 с. EDN: AIWGAL.
17. Алтайский край // Официальный сайт полномочного представителя Президента России в Сибирском федеральном округе. URL: [http://sfo.gov.ru/okrug/ALT/#:~:text=Население%20\(на%2001.01.2023\),населения%20-%2012%2C7%20чел](http://sfo.gov.ru/okrug/ALT/#:~:text=Население%20(на%2001.01.2023),населения%20-%2012%2C7%20чел) (дата обращения 21.01.2025).
18. Рыбаковский Л.Л. Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2023. – Т. 19. – № 3. – С. 327–337. DOI: https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337. EDN: EIOOWG.
19. Жуков Д.С., Канищев В.В. Кластерный анализ как средство влияние типов демографического поведения (русское сельское население, европейская часть России, начало XX–XXI в.) // *Новейшая история России*. – 2022. – Т. 12. – № 2. – С. 454–476. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.212>.
20. Бизин С.В. Анализ развития регионального рынка труда и проблемы занятости населения // *Экономика труда*. – 2018. – Т. 5. – № 3. – С. 745–760. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.3.39415>. EDN: YMQPYL.
21. Аналитический отчет об осуществлении в Алтайском крае полномочий в области содействия занятости населения в 2023 году // Управление Алтайского края по труду и занятости населения. URL: https://portal.22trud.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2024/%D0%BE%D1%82%D1%87%D1%91%D1%82%20%D1%83%D1%82%D0%B7%D0%BD%20%D0%B0%D0%BA%202023.pdf (дата обращения 18.01.2025).
22. Динамика среднемесячной начисленной заработной платы и численности работников (январь–декабрь 2022 г.) // Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края. URL: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/dfac9907-600b-4df2-ad47-d4e688357ad5> (дата обращения 07.01.2025).
23. Динамика среднемесячной начисленной заработной платы и численности работников (январь–декабрь 2023 г.) // Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края. URL: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/a48aa764-8eba-4868-9d93-67a4107a9160> (дата обращения 07.01.2025).
24. Динамика среднемесячной начисленной заработной платы и численности работников (январь–декабрь 2021 г.) // Интерактивный портал по труду и занятости населения Алтайского края. URL: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/9fae66e2-8e4f-4525-af59-4dbf9fc4fb04> (дата обращения 07.01.2025).
25. Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья в Алтайском крае // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31452> (дата обращения 12.02.2025).
26. Мешалкин С.А. Перегрев рынка недвижимости Алтайского края: экономические последствия и пути их решения // *Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров*. – 2024. – № 11. – С. 102–106. EDN: KBXFNM.
27. Уровень безработицы (по методологии МОТ) // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43062> (дата обращения 05.01.2025).
28. Вишневецкий А.Г. Избранные демографические труды. Т. 2: Экономическая демография. Анализ демографических процессов. – М.: Наука, 2005. – 382 с.

Информация об авторах

Мария Ивановна Черепанова, доктор социологических наук, профессор, доцент кафедры социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Россия, 656002, г. Барнаул, ул. Димитрова, 61; cher_67@mail.ru

Степан Алексеевич Мешалкин, студент кафедры финансов и кредита Международного института экономики, менеджмента и информационных систем Алтайского государственного университета, Россия, 656002, г. Барнаул, ул. Димитрова, 61; bachelor.economy122@gmail.com

Ирина Петровна Саютина, аспирант кафедры социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Россия, 656002, г. Барнаул, ул. Димитрова, 61; sayutina.8203a@stud.asu.ru

Ярослав Александрович Чистопашин, аспирант кафедры социальной и молодежной политики Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, Россия, 656002, г. Барнаул, ул. Димитрова, 61; pw-07@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.03.2025

Поступила после рецензирования: 17.06.2025

Принята к публикации: 29.06.2025

REFERENCES

1. Rybakovskiy L.L., Kozhevnikova N.I. Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of neutralization. *Social and labor research*, 2019, no. 2 (35), pp. 6–15. (In Russ.) DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15.
2. Markvart E., Bezverbnny V.A., Sitkovsky A.M. Spatial compression of the territories of the Russian Federation: concept, criteria, system of indicators. *Cities of the future: spatial development, participatory management and creative industries*. Moscow, Delo RANEPa Publ. house, 2021. pp. 63–93. (In Russ.) EDN: UENSFM.
3. *Demographic development of Russia in the context of national security: monograph*. Ed. by T.K. Rostovskaya. Moscow, Prospect Publ., 2022. 264 p. (In Russ.)
4. Rybakovsky O.L. Russian population reproduction: challenges, trends, factors and possible results by 2024. *Population*, 2020, vol. 23, no. 1, pp. 53–66. (In Russ.) DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5.
5. Rybakovsky O.L. Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components. *Population*, 2023, vol. 26, no. 2, pp. 4–17. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.1>. EDN: ZARKPP.
6. *Population of modern Russia: reproduction and development*. Ed. by V.V. Lokosov. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2015. 411 p. (In Russ.)
7. Demography. Population size and composition. *Office of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. (In Russ.) Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 6 January 2025).
8. *Demographic modernization of Russia. 1900–2000*. Ed. by A. Vishnevsky. Moscow, New Publishing House, 2022. 608 p. (In Russ.)
9. Cherepanova M.I., Shcheglova D.K. Regression model of population health in Russian Regions. *Security Issues*, 2023, no. 4, pp. 111–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2023.4.39112>. EDN: JXBTAM.
10. Cherepanova M.I. *Social and demographic security: a comprehensive assessment of human capital in the regions of the Russian borderland. Monograph*. Barnaul, Altai State University Press, 2024. 203 p. (In Russ.) EDN: YRWSNI.
11. Billari F.C., Liefbroer A.C. Should I stay or should I go? The impact of age norms on leaving home. *Demography*, 2022, vol. 44, Iss. 1, pp. 181–198. DOI: 10.1353/dem.2007.0000.
12. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Sirotina T.V. Social well-being as an integral characteristic of the secure functioning and sustainable development in regions. *Advances in Natural, Human-Made, and Coupled Human-Natural Systems Research, Lecture Notes in Networks and Systems*. Eds. S.G. Maximova, R.I. Raikin, A.A. Chibilev, M.M. Silantyeva. Cham, Springer, 2023. Vol 234. pp. 417–424. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-75483-9_39.
13. Elder G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory. *Handbook of the Life Course. Handbooks of Sociology and Social Research*. Eds. J.T. Mortimer, M.J. Shanahan. Boston, MA, Springer, 2023. pp. 3–19. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1.
14. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Saryglar S.A. Human capital and problems of Russian human ecology. *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems*. Ed. by S.G. Maximova. Cham, Springer, 2023. Vol 365, pp. 405–411. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_36. EDN: WANHPO.
15. Cherepanova M.I., Maximova S.G., Saryglar S.A. Reproduction of human capital in the Altai territory. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*, 2022, vol. 1, no. 11, pp. 328–338. EDN: AQUHYV.
16. Evsin M.Yu., Izmalkova I.V., Ismailova T.Yu. *Sustainable development of Russia in the context of global changes. Monograph*. Tambov, Derzhavinsky Publ., 2023. 106 p. (In Russ.) EDN: AIWGAL.

17. Altai region. *Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of Russia in the Siberian Federal District*. (In Russ.) Available at: [http://sfo.gov.ru/okrug/ALT/#:~:text=Население%20\(на%2001.01.2023\),населения%20-%2012%2C7%20чел](http://sfo.gov.ru/okrug/ALT/#:~:text=Население%20(на%2001.01.2023),населения%20-%2012%2C7%20чел) (accessed 21 January 2025).
18. Rybakovskiy L.L. The migration component and its contribution to the demographic development of modern Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 327–337. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.52180/19999836_2023_19_3_2_327_337. EDN: EIOOWG.
19. Zhukov D.S., Kanishchev V.V. Cluster analysis as a means of identifying types of demographic characteristics (Russian rural population, European Part of Russia, early 20th to early 21st century). *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 2, 2022, pp. 454–476. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.212>.
20. Bizin S.V. The analysis of the development of the regional labour market and the problems of employment. *Russian Journal of Labour Economics*, 2018, vol. 5, no. 3, pp. 745–760. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.5.3.39415>. EDN: YMOPYL.
21. Analytical report on the implementation of powers in the Altai Territory in the field of promoting employment in 2023. *Altai Territory Department for Labor and Employment*. (In Russ.) Available at: https://portal.22trud.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2024/%D0%BE%D1%82%D1%87%D1%91%D1%82%D0%D1%83%D1%82%D0%B7%D0%BD%20%D0%B0%D0%BA%202023.pdf (accessed 18 January 2025).
22. Dynamics of average monthly accrued wages and number of employees (January–December 2022). *Interactive portal on labor and employment of the population of Altai Krai*. Available at: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/dfac9907-600b-4df2-ad47-d4e688357ad5> (accessed 7 January 2025).
23. Dynamics of average monthly accrued wages and number of employees (January–December 2023). *Interactive portal on labor and employment of the population of Altai Krai*. Available at: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/a48aa764-8eba-4868-9d93-67a4107a9160> (accessed 7 January 2025).
24. Dynamics of average monthly accrued wages and number of employees (January–December 2021). *Interactive portal on labor and employment of the population of Altai Krai*. Available at: <https://portal.22trud.ru/documents/detail/9fae66e2-8e4f-4525-af59-4dbf9fc4fb04> (accessed 7 January 2025).
25. Average price of 1 sq. m of total area of apartments on the housing market in Altai Krai. *Unified Interdepartmental Information and Statistical System (UIISS)*. Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/31452> (accessed 12 February 2025).
26. Meshalkin S.A. Overheating of the real estate market in Altai Krai: economic consequences and ways to solve them. *Economic development of the region: management, innovation, personnel training*, 2024, no. 11, pp. 102–106. (In Russ.) EDN: KBXFNM.
27. Unemployment rate (according to ILO methodology). *Unified Interdepartmental Information and Statistical System (UIISS)*. (In Russ.) Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/43062> (accessed 5 January 2025).
28. Vishnevsky A.G. *Selected demographic works. Vol. 2: Economic demography. Analysis of demographic processes*. Moscow, Nauka Publ., 2005. 382 p. (In Russ.)

Information about the authors

Maria I. Cherepanova, Dc. Sc., Associate Professor, Altai State University, 61, Dimitrov street, Barnaul, 656002, Russian Federation; cher_67@mail.ru

Stepan A. Meshalkin, Student, Altai State University, 61, Dimitrov street, Barnaul, 656002, Russian Federation; bachelor.economy122@gmail.com

Irina P Sautina, Postgraduate Student, Altai State University, 61, Dimitrov street, Barnaul, 656002, Russian Federation; sautina.8203a@stud.asu.ru

Yaroslav A. Chistopashin, Postgraduate Student, Altai State University, 61, Dimitrov street, Barnaul, 656002, Russian Federation; pw-07@mail.ru

Received: 27.03.2025

Revised: 17.06.2025

Accepted: 29.06.2025